

Валур Ингимундарсон¹

ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАШИЗМА К ПОПУЛИСТСКОМУ УЛЬТРАНАЦИОНАЛИЗМУ: ВЛИЯНИЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Введение

Возрастающее влияние националистических, популистских правых партий в Европе представляет собой не только вызов традиционным политическим элитам и функционированию либерально-демократических систем. Возникает невольное сравнение с историей фашистских движений² и встает вопрос: «Как определить, классифицировать и позиционировать эти партии в политическом спектре?». Когда марксизм утратил свое протестное влияние после распада Советского Союза, главным рупором противников глобализации и мультикультурализма в Европе стали правые радикальные партии³. Недавние успехи популистских партий на выборах в значительной степени связаны с их радикальной националистической и антииммигрантской позицией в частности и общим недовольством граждан политикой их стран в целом. Евроскептицизм, исламофобия, ксенофобия и противопоставление себя истеблишменту свойственны в разной степени всем этим партиям, что отличает их от других правых и левых партий политического спектра. Хотя состав европейских радикальных правых партий крайне неоднороден — от Датской народной партии (Danske Folkeparti,

DF)⁴ до экстремистской «Золотой зари» в Греции⁵, все они сходятся в одном — национальное государство должно быть как можно более культурно и этнически однородным. Это означает требование к принятию строгой политики ассимиляции и жесткого антииммигранционного законодательства, а любая форма мультикультурализма признается этими партиями ненужной⁶.

В данной статье рассматривается феномен ультра-националистических партий в трех аспектах: 1) сравнительно-сопоставительный анализ крайне правых и фашистских партий в период между двумя мировыми войнами; 2) сходства и различия между отдельными правыми партиями современной Европы; 3) степень влияния на государственную политику и идеологическую повестку основных партий этого толка в контексте европейской политики.

Чрезвычайное положение, в котором государства оказываются в результате политических и экономических кризисов, является идеальным условием для расцвета крайне правых партий. Об этом свидетельствует исторический период между двумя мировыми войнами. Поэтому неудивительно, что недавние финансовый и миграционный кризисы привели к росту популярности крайне правых партий во многих (если не во всех) европейских странах. Разумеется, их влияние остается крайне неоднородным в связи с различной степенью их идеологической привлекательности в контексте национальных государств. На популярность крайне правых влияет и положение основных политических партий, и препятствия, связанные с непропорциональными избирательными системами⁷. Тем не менее, несмотря на вышеперечисленные преграды, эти партии смогли бросить вызов традиционным правым и левым партиям европейских стран и стали определять текущую повестку дня, в частности в области антииммигранционной политики. Во многих европейских странах крайне правые партии могут рассчитывать на 20–25 % голосов избирателей. Иными словами, они стали зна-

¹ Профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии (Рейкьявик), председатель правления Научно-инновационного центра EDDA, научный сотрудник Королевского Объединенного института оборонных исследований в Лондоне, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика. 1945–2006», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет», «Исландский финансовый кризис: политика обвинения, протеста и реконструкции» (в соавт.) и др. Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований».

² О проблеме фашизма в истории писали, в частности: Paxton R. *The Anatomy of Fascism*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2004; Eley Geoff. *Nazism as Fascism: Violence, Ideology, and the Ground of Consent in Germany 1930–1945*. L.; N. Y.: Routledge, 2013; Bessel R. *Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and contrasts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Griffin R. *The Nature of Fascism*. L.: Pinters, 1993; Griffin R. (ed.) *International Fascism: Theories, Causes, and the New Consensus*. L.: Arnold, 1998; Renton D. *Fascism. Theory and Practice*. L.: Pluto Press, 1999; Kershaw I. *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*. L.; N. Y.: Bloomsbury Academic, 2000; Eatwell R. *Fascism. A History*. L.: Pimlico, 2003.

³ Paxton R. *Op. cit.* P. 181.

⁴ О Датской народной партии см.: Southwell P., Lindgren E. *The Rise of Neo-Populist Parties in Scandinavia: A Danish Case Study // Review of European Studies*. 2013. Vol. 5, № 5. P. 128–135.

⁵ См.: Angouri J., Wodak R. *They became big in the shadow of the crisis: The Greek success story and the rise of the far right // Discourse & Society*. 2014. Vol. 25, № 4. P. 540–565.

⁶ См.: Jungar A.-C., Jupskås A. R. *Populist Radical Right in the Nordic Region: A New and Distinct Party Family? // Scandinavian Political Studies*. 2014. Vol. 37, № 3. P. 215–238.

⁷ См.: Mudde C. *Fighting the system: Populist radical right parties and party system change // Party Politics*. 2014. Vol. 20, № 2. P. 217–226.

чимой политической силой, игнорировать которую невозможно. Нынешний миграционный кризис в Европе не только укрепил идеологическую привлекательность программ этих партий, но и поставил их повестку дня в центр национальной политики. Одновременно началось обсуждение ключевых принципов европейского проекта, таких как жизнеспособность системы общих границ, скоординированный подход к проблеме иммиграции и предоставления политического убежища.

Возврат к историческому фашизму?

В Западной Европе после Второй мировой войны сохранилось наследие фашистской идеологии. И тем не менее нынешние националистические правые партии, такие как «Национальный фронт» (Front National, FN), Австрийская партия свободы (Freiheitliche Partei Österreichs, FPÖ), датская партия DF или партия «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland, AfD), не имеют ничего общего с фашистскими партиями 1930-х годов. Они не предлагают разрушить либеральную демократию и установить однопартийный режим, принимают основные положения капиталистической системы (даже если при этом выступают против всеобъемлющей глобализации) и избегают корпоративных по духу решений, не борются против марксистской идеологии и коммунистических партий. Ни одна европейская праворадикальная партия не предлагает войну как средство национальной экспансии; даже те из них, кто выступает за «воссоединение исконных земель», как это делает партия «Йоббик» в Венгрии. На самом деле сторонники изменения границ в послевоенной Европе — в основном сепаратисты, а не экспансионисты. Кроме того, идеологическим общим знаменателем вместо антисемитизма становится исламофобия. Представители крайне правых партий утверждают, что являются «авангардом в борьбе западного демократического общества» против «тоталитарной угрозы фундаменталистского ислама»¹.

Разумеется, из этого правила есть исключения: с историческим фашизмом заигрывают во всей Европе. «Золотая заря» в Греции стала откровенно неонацистской партией²; основатель движения «Пегида» («Патриотические европейцы против исламизации Запада»; *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*) в Германии был вынужден подать в отставку, когда была опубликована его фотография с усами, как у Гитлера³; партия «Йоббик» («Дви-

¹ Этот переход от антисемитизма к исламофобии заметен в так называемой «Иерусалимской декларации», подписанной австрийской партией FPÖ, бельгийской партией «Фламандские интересы» (Vlaams Belang), германской партией «Свобода — партия гражданских прав за свободу и демократию» (Die Freiheit — Bürgerrechtspartei für mehr Freiheit und Demokratie) и шведскими демократами (Sverigedemokraterna, SD) в 2010 году. В Декларации подчеркивается право Израиля на защиту от террора. Антиисламская партия «За свободу» (Partij voor de Vrijheid) в Голландии под руководством Геерта Вилдерса выступает с похожей повесткой дня и поддерживает Израиль. См., например: Far-Right Politicians Find Common Cause in Israel. URL: <http://europe.newsweek.com/far-right-politicians-find-common-cause-israel-68583?rm=eu> (дата обращения: 27.02.2011).

² См.: *Angouri J., Wodak R.* Op. cit. P. 540–565.

³ О движении «Пегида» см.: *Dostal J. M.* The Pegida Movement and German Political Culture: Is Right-Wing Populism Here to Stay? // *The Political Quarterly*. 2015. Vol. 8, № 4. P. 523–531.

жение за лучшую Венгрию»; *Jobbik Magyarorszáért Mozgalom*) является откровенно антисемитской, и некоторые члены партии считают себя фашистами по убеждению, несмотря на то что даже руководители партии отказываются от каких-либо ассоциаций с нацистским движением «Скрещенные стрелы», которое существовало в Венгрии в 1930–1940-х годах⁴.

Но в целом правые партии стараются не ассоциироваться с фашизмом из-за позорного клейма, которое лежит на этом движении в исторической памяти. Они хорошо представляют, что любые фашистские идеи уменьшат их политическое влияние, поставят под угрозу привлекательность для избирателей и электоральное будущее. В европейских странах жива память о Холокосте и преступлениях коллаборационистов военного времени. В некотором смысле предлагаемая крайне правыми повестка дня не имеет ничего общего с прошлым. Подходя к социальным вопросам с консервативной и традиционной точек зрения, эти партии, такие как австрийская Партия свободы, норвежская Партия прогресса (Fremskrittspartiet, FRP) или Независимая партия Великобритании (UKIP)⁵, защищают индивидуалистическую либеральную экономическую политику и, в отличие от ультраправых партий межвоенного (между двумя мировыми войнами) периода, не поддерживают социально-корпоративную и в некоторых случаях антикапиталистическую риторику партий того времени. Наибольшего успеха у избирателей в современной Европе могут добиться партии, которые придерживаются националистической идеологии, отстаивают консервативные культурные ценности и политику социальной защиты населения. В отличие от фашистских партий прошлого, в своей политической пропаганде они не делают акцент на этническое и расовое происхождение. Исключениями из этого правила являются партии «Золотая заря» и «Йоббик».

Поэтому мы склонны согласиться с Ричардом Гриффитсом, который считает, что ультраправые партии Европы не следует называть неонацистскими⁶. Ультранационалистические крайне правые партии представляют слишком широкий спектр мнений. Отдельные партии отличаются друг от друга не только с точки зрения их исторического происхождения, но и во многом другим, что не позволяет отнести их к партиям единой идеологии⁷. В этом нет ничего нового: классические фашистские партии также состояли из отдельных практик. Крайний национализм нелегко классифицировать с точки зрения транснациональных групп, между партиями такого толка редко существует солидарность. Даже при условии, что партии межвоенного периода имели много общего, они отличались, например, по принципу приверженности политике нацистской Германии или фашистской Италии. В своей националистической риторике они могли придержи-

⁴ О партии «Йоббик» см., например: *Mihai V.* Hungary's 'anti-capitalist' far-right and the Hungarian Guard // *Nationalities Papers*. 2014. Vol. 42, № 4. P. 791–807.

⁵ *Ford R.* Understanding UKIP: Identity, Social Change and the Left Behind // *The Political Quarterly*. 2014. Vol. 85, № 3. P. 277–284.

⁶ *Griffiths R.* Fascism. L.: Continuum, 2006. P. 150–152.

⁷ *Halikiopoulou D., Vasilopoulou S.* Support for the Far Right in the 2014 European Parliament Elections: A Comparative Perspective // *The Political Quarterly*. 2014. Vol. 85, № 3. P. 286.

ваться строго регрессивной расовой идеологии или антилиберальных модернистских взглядов. Некоторые выступали за национальную экспансию и «приращение земель» (Германия, Италия и Венгрия), другие — за территориальный статус-кво (Румыния).

Тем не менее, несмотря на фундаментальные отличия, между современными и историческими радикальными правыми партиями существуют и идеологические сходства. Эти партии настойчиво отказываются называть себя крайне правыми или крайне левыми, потому что стремятся быть привлекательными для избирателей обеих сторон политического спектра. Их объединяет враждебное отношение к межправительственным и межнациональным проектам, таким как Лига Наций (1920–1930-е гг.) и современный Европейский Союз. Общей для всех этих партий также является политика идентичности — необходимость реагировать на экзистенциальную угрозу национальному и культурному упадку. Осуждая традиционные политические элиты за их предполагаемую коррумпированность и слабость, эти партии хотят представить себя в роли политических аутсайдеров и спасителей. И наконец, их ультранационалистическая повестка дня, которая в некоторых случаях напоминает откровенный культурный расизм, направлена на конкретные маргинализованные социальные группы: иностранцев, иммигрантов и беженцев.

Как подчеркивал Роберт Пакстон, иногда гораздо продуктивнее изучать то, как фашистские партии действовали в прошлом, нежели слишком пристально исследовать их идеологию и риторику. Нельзя недооценивать тексты и политические проекты в истории фашизма, но следует учитывать тот факт, что фашисты часто действовали как оппортунисты и отказывались от определенных элементов своей программы с целью достичь тактических политических преимуществ. Недостаточно обращать внимание лишь на типичные тревожные сигналы — экстремистскую националистическую пропаганду и преступления на почве ненависти. Гораздо большее значение имеют критические ситуации в момент политического или экономического кризиса, когда, чувствуя угрозу, консервативная элита ищет сторонников, готовых поправить закон. Как правило, на этот призыв откликаются именно ультранационалистические демагоги, пользующиеся массовой поддержкой¹.

В настоящее время сценарии подобного рода не являются неизбежными. Если посмотреть на страны, которые кризис 2008 года затронул особенно сильно (Исландию, Ирландию, Испанию и Португалию), то можно заметить, что там не возросла популярность радикальных правых партий. Можно сделать вывод, что, когда в результате экономического кризиса не возникает слома всего механизма управления и правительства (неважно, правые или левые) продолжают управлять на основе выданного им народом мандата, у правых партий не возникает таких возможностей воздействия на общество, как в случае политического вакуума. Фашисты приближаются к органам власти тогда, когда консерваторы начинают активно применять фашист-

ские методы воздействия — популистскую риторику, которая привлекает их традиционных избирателей². Таким образом, важно учитывать складывающиеся отношения между радикальными правыми и консерваторами. Вопрос заключается лишь в том, могут ли последние удержать и (или) нейтрализовать первых посредством коллаборационизма, кооптации или подавления. Очевидно, что эта стратегия откровенно провалилась в Германии и Италии в межвоенный период (между двумя мировыми войнами). Но она сработала в других странах, например в Венгрии и Румынии, даже если авторитарные режимы Миклоша Хорти и Иона Антонеску были по большому счету антидемократичными.

Консерваторы и радикальные правые партии: сотрудничество, безразличие или взаимное исключение?

Если проанализировать то, как умеренные правые партии в Европе вели дела с крайне правыми, то выясняется, что эти отношения принимали несколько форм. С одной стороны, бывали случаи, когда эти партии сотрудничали с правительством, делились с ними идеями или их представители занимали незначительные посты; с другой стороны, нередко возникали ситуации, когда от ультраправых партий открещивались, дистанцировались или просто исключали их из общения. Когда правоцентристская Австрийская народная партия (*Österreichische Volkspartei, ÖVP*) впервые в истории в 2000 году приняла решение образовать коалицию с ФРÖ, оно породило шквал критики, после чего последовали противоречивые санкции ЕС. Этот политический эксперимент, однако, имел меньше последствий для австрийской демократии, поскольку страну уже давно критиковали за систему политических партий-спойлеров. В борьбе с ними центристские партии правого и левого толка формировали широкие правящие коалиции. Гораздо больше пострадала Партия свободы, которая утратила поддержку избирателей и посты в правительстве после следующих выборов. А ФРÖ, как оказалось, вернула расположение избирателей³. Этот опыт указывает на проблемы, с которыми сталкиваются все крайне правые популистские партии Европы: занимая правительственные посты, их представители теряют статус аутсайдеров и вынуждены идти на идеологические компромиссы с традиционными партиями.

Следует изучить и пример со скандинавскими партиями крайне правого толка⁴. Норвежская Партия прогресса (*FrP*), значительно менее радикальная, чем другие популистские партии Европы, в настоящее время борется с потерей электоральной поддержки, вызванной тем, что представители партии согласились вступить в коалицию с консерваторами после победы на выборах 2014 года⁵. То же самое можно сказать

² Paxton R. Op. cit. P. 205.

³ Несмотря на раскол партии, когда бывший основатель ФРÖ Йорг Гайдер создал еще одну ультраправую партию «Альянс за будущее Австрии» (*Bündnis Zukunft Österreich, BZÖ*), на парламентских выборах 2013 года она получила 17,5 % голосов избирателей. В результате партия не вошла в правительство, которое образовали представители крупнейших партий — *ÖVP* и *SPÖ*.

⁴ Jungar A.-C., Jupskås A. R. Op. cit. P. 215–238.

⁵ FrP получила 23 % голосов и стала второй крупнейшей партией страны после Лейбористской партии.

¹ Paxton R. Op. cit. P. 205.

и о Партии финнов (Perussuomalaiset, PS) в Финляндии¹. Ее популярность также резко упала после того, как она, будучи второй крупнейшей партией страны, перешла из оппозиции в коалиционное правительство с участием консервативных и центристских партий². Датская народная партия (DF) смогла избежать этой дилеммы (по крайней мере на время). Поддержав миноритарное правительство правоцентристской Либеральной партии Дании на выборах 2015 года, она сохранила своих избирателей³.

После того как популистские партии в Скандинавских странах умили свой радикальный национализм, чтобы попасть в правительство, они получили от этого значительные дивиденды. Теперь эти партии начали оказывать влияние на политику правительства, им удалось изменить политическую повестку дня, обратив внимание на проблемы иммиграции и мультикультурализма⁴. По их мнению, экономический кризис (который усугубился в результате открытых границ и слабого иммиграционного контроля на границах ЕС) породил риск крушения действующего социального договора⁵. Эти партии считают, что нужно ограничить поток иммигрантов и беженцев. Главные политические партии Скандинавских стран — не только консерваторы, но и социал-демократы (особенно в Дании) — в определенной степени купились на эти призывы и ужесточили политику в области иммиграции, предоставления политического убежища и пограничного контроля.

Этот факт подчеркивает слабость левых партий, которая с недавних пор стала более очевидна. Отказавшись от неолиберальной экономической программы частично или полностью, крайне правые партии теперь обращают особое внимание на общественно важные и социальные вопросы, ориентируясь при этом на национальное большинство (не на иностранцев и иммигрантов). Действительно, в некоторых странах крайне правые партии конкурируют за голоса не только с правыми консерваторами, но и с левыми социалистическими демократами в надежде завоевать голоса их традиционных избирателей⁶. Ярким примером является Австрия. Партия свободы ориентирована на тех же городских избирателей, что и социал-демократы, — на рабочих и представителей беднейшего слоя среднего класса, а консервативная Австрийская народная партия — в основном на религиозных избирателей из сельских районов⁷. Таким образом, при опре-

деленных условиях пока только консервативные партии готовы сотрудничать с крайне правыми, особенно в ситуации, когда им необходима поддержка в формировании большинства или меньшинства в правительстве. Вопрос по поводу того, будут ли на это готовы при каких-либо условиях левые, остается открытым. На европейском национальном уровне единственной левой партией, сформировавшей коалиционное правительство с маленькой крайне правой партией «Независимые греки» (Anexartitoi Ellines, ANEL)⁸, остается Коалиция радикальных левых, партия «СИРИЗА» (Synaspismós Rizospastikís Aristerás). Однако после муниципальных выборов 2015 года австрийские социал-демократы также пошли на беспрецедентный шаг, о котором нельзя было даже подумать несколько лет назад, вступив в коалицию с Партией свободы на региональном уровне, в Каринтии.

Это означает, что крайне правым популистским партиям хотя бы частично удалось убедить избирателей, что они не относятся ни к правым, ни к левым. Правда, их партнерами по коалиции обычно становятся консервативные партии, схожие с ними по идеологии, опирающейся на националистические и традиционные ценности. На сотрудничество с умеренными правыми, тем не менее, они не всегда могут рассчитывать. В Швеции, например, крупная консервативная Партия умеренных (Moderata samlingspartiet) вступила в коалицию с социал-демократами, отказавшись от любого сотрудничества с крайне правыми шведскими демократами. Шведские демократы не являются неонацистской партией и всячески пытаются смягчить свой имидж, однако в прошлом партия была связана с экстремистскими шовинистическими группами⁹.

Национальный фронт во Франции также не смог победить в нескольких регионах на муниципальных выборах 2015 года, несмотря на рост числа их избирателей в этих регионах. В основном это произошло из-за тактического голосования, особенно среди левых социалистов. В некоторых случаях во втором туре голосования они поддержали умеренных правых, так как эти партии отказывались от сотрудничества с правыми радикалами. Однако все эти меры не помешали Национальному фронту увеличить свое политическое влияние¹⁰ во всей Франции¹¹. Однако, так как Франция не пользуется пропорциональной системой на выбо-

¹ См.: *Westinen J.* True Finns: A Shock for Stability? Testing the Persistence of Electoral Geography in Volatile Elections // *Scandinavian Political Studies*. 2014. Vol. 37, № 2. P. 123–148.

² На парламентских выборах 2015 года Партия финнов получила 17,7 % голосов.

³ DF получила на парламентских выборах 21 % голосов и в настоящее время является второй крупнейшей партией в Дании после социал-демократов.

⁴ См.: *Lindsköld L.* Contradicting Cultural Policy: A Comparative Study of the Cultural Policy of the Scandinavian Radical Right // *Nordisk kulturpolitisk tidskrift*. 2015. Aug. № 1. P. 8–26.

⁵ См.: *Halikiopoulou D., Vasilopoulou S.* Op. cit. P. 285–288.

⁶ О поддержке рабочим классом радикальных правых партий см.: *Oesch D.* Explaining Workers' Support for Right-Wing Populist Parties in Western Europe: Evidence from Austria, Belgium, France, Norway, and Switzerland // *International Political Science Review*. 2008. Vol. 29, № 3. P. 349–373.

⁷ How has the Radical Right Transformed Established Political Conflicts: The Case of Austria // *J. Aicholzer [et al.] // West European Politics*. 2013. Vol. 37, № 1. P. 113–137.

⁸ На двух парламентских выборах 2015 года доля голосов компартии «Anel» составила только 4,7 и 3,6 % соответственно.

⁹ Партия получила 13 % голосов на выборах 2014 года, но ее популярность возросла до 20 % в связи с кризисом 2015 года, вызванным притоком беженцев, потому что Швеции пришлось принять больше беженцев, чем большинству других европейских стран.

¹⁰ См.: *Shields J.* The Front National since the 1970s: Electoral Impact and Party System Change // *Chabal E. (ed.) France since the 1970s: History, Politics and Memory in an Age of Uncertainty*. L.: Bloomsbury Academic, 2015. P. 41–66.

¹¹ У такого развития событий есть прецедент. На президентских выборах 2002 года основателю Национального фронта Жан-Мари Ле Пену удалось выйти во второй тур, набрав в первом туре 17 % голосов. То же самое может произойти и в 2017 году, когда его дочь Марин Ле Пен, которой удалось набрать на один процент больше голосов, чем основателю партии в президентских выборах 2012 года, станет кандидатом. См.: *Williams M. H.* A new era for French far right politics? Comparing the FN under two Le Pens // *Análise Social*. 2011. Vol. XLVI. P. 679–695.

рах в Национальную ассамблею, Национальный фронт не попал в правительство, а в парламенте получил всего два места¹. То же самое можно сказать и о ситуации в Великобритании, где система множественного голосования предотвратила появление в парламенте евроскептиков, партию UKIP, получивших лишь малую долю голосов избирателей². Так как на парламентских выборах консерваторы одержали чистую победу, им удалось полностью отказаться от сотрудничества с крайне правыми партиями как в правительстве, так и в парламенте.

Подъем Национального фронта и шведских демократов ставит под сомнение способность нынешних ведущих партий удерживать свою исключительную позицию. В связи с тем что Национальный фронт и шведские демократы используют агрессивную антиисламистскую риторику, это будет действительно не просто. Однако тот факт, что партия, получившая на выборах 20 % голосов избирателей и более, не имеет доступа в органы власти, рушит основы всей политической системы. Вступая в коалиции с этими партиями, право- и левоцентристские партии, скорее всего, смогут снизить степень их радикализма и ликвидировать ауру их исключительности, что, несомненно, является частью их привлекательного имиджа. Очевидный контраргумент в данном случае (как и в случае с фашистскими партиями периода между двумя мировыми войнами) — тот факт, что радикальным правым (войдя они в правительство) удастся добиться политического признания и легитимизации их расистской и членовоенноненавистнической политики. Это касается, в частности, наиболее экстремистских правых партий, таких как «Йоббик» или «Золотая заря».

Многообразие правых радикалов: от неонацизма к популистскому либерализму

Степень принятия основными политическими партиями феномена крайне правых европейских партий может быть измерена степенью гибкости идеологии популистов и их потенциалом в качестве политических союзников. В некоторых случаях услуги правых радикалов не потребуются, потому что консерваторы смогут править сами по себе. Британская консервативная партия, например, удержалась от того, чтобы копировать UKIP или чрезмерно апеллировать к ней, хотя и заимствовала некоторые положения ее антииммиграционной политики для своей избирательной кампании 2015 года. Другие консервативные партии, особенно в Восточной Европе, сами так далеко сдвинулись вправо по политическому спектру, что им удалось практически нейтрализовать популистские партии и избежать конкуренции с ними в области идеологии. В частно-

¹ Получив в первом туре выборов в 2012 году 13,6 % голосов избирателей, партия FN во втором туре добилась поддержки всего 3,6 % голосов и двух мест. Иными словами, несмотря на то что на президентских выборах 2012 года партия получила около 18 %, на европейских парламентских выборах 2014 года — 25 % голосов и на региональных выборах 2015 года — почти 28 % голосов, Национальному фронту не удалось прийти к власти на национальном или региональном уровне.

² Даже после того, как UKIP получила 12,5 % голосов на выборах 2015 года и стала третьей крупнейшей партией после консерваторов и лейбористов, в палате общин ей достался всего один мандат.

сти, так поступила партия «Фидес» (Венгерский гражданский союз). К огромному неудовольствию партии «Йоббик», «Фидес» заимствовал у нее некоторые ультранационалистические идеи, в частности празднование дня Трианонского мирного договора, по которому Венгрия лишилась двух третей своей территории после Первой мировой войны, и реабилитацию Хорти, авторитарного правителя Венгрии в период между двумя мировыми войнами. Сохранив на последних парламентских выборах абсолютное большинство, «Фидес» в своей деятельности не зависит от партии «Йоббик»³. Польская партия «Закон и справедливость» также заявила крайне правую программу. Как и «Фидес», партию обвиняют в том, что она использует свое парламентское большинство для принятия законов, ограничивающих свободу слова и другие конституционные права граждан. В таких политических обстоятельствах у радикальных правых нет возможности войти в правительство.

В остальных случаях крайне правые партии, такие как «Золотая заря»⁴, считаются слишком экстремистскими для того, чтобы с ними можно было работать. В аналогичную ситуацию попадет и партия «Йоббик», если основные правые партии Венгрии не возьмут на вооружение некоторые ее идеи. В Германии христианские демократы (ХДС/ХСС) и социал-демократы (СДПГ) отвергли возможность политического партнерства с партией AfD, которая набрала популярность в связи с миграционным кризисом в Германии. Германский политический истеблишмент в целом не скрывает своего презрения к антиисламскому движению «Пегиды» в связи с его ультранационалистическими и ксенофобскими взглядами⁵. Правые консерваторы во Франции предприняли попытку ограничить влияние Национального фронта, заимствуя у этой партии определенные политические идеи, в частности их критику миграционной политики ЕС и требования по укреплению соответствующего законодательства. Однако от прямого сотрудничества с НФ они отказываются⁶. За исключением шведских демократов, скандинавские крайне правые партии наиболее успешно интегрировались в политическую систему, потому что они считаются менее экстремистскими, чем популистские партии в других странах. Тем не менее их идеологическая платформа с акцентом на национализм и традиционализм, нападки на ЕС, приверженность концепции социального государства и требование строгих контрольных мер в области иммиграции сыграли важную роль в установлении повестки дня на национальном и региональном уровнях в Европе. Более того, в связи с масштабным кризисом, вызванным притоком бежен-

³ На последних парламентских выборах партия «Йоббик» получила около 20 % голосов, что сделало ее третьей политической силой в стране.

⁴ На вторых парламентских выборах 2015 года партия «Золотая заря» получила 7 % голосов.

⁵ О AfD и Pegida см., например: Henke M. Protest und Populismus — eine schwierige Abgrenzung in Zeiten von AfD und Pegida. Ein Bericht über die Tagung Protestkultur — Populismus? 2014 in der Akademie für politische Bildung Tutzing // Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik. 2016. Vol. 8, № 2. P. 287–291.

⁶ Mondon A. The Front National in the Twenty-First Century: From Pariah to Republican Democratic Contender // Modern & Contemporary France. 2014. Vol. 22, № 3. P. 301–320.

цев, эти вопросы вышли на передний план в европейской политической повестке дня.

Заключение

Несмотря на экономическую и социальную неопределенность, пока нет никаких признаков того, что крайне правые популистские партии в Европе смогут стать партиями большинства и сформировать правительство. Такая вероятность может возникнуть только в случае разрушительного политического кризиса или войны. В период между двумя мировыми войнами прийти к власти удалось лишь нацистам в Германии и фашистам в Италии. В гораздо меньшей степени в управлении страной участвовали крайне правые партии Румынии и Венгрии. Фундаментальная разница между нынешними и бывшими радикальными правыми партиями состоит в том, что теперь они не стремятся уничтожить либеральную демократию и не хотят воевать за новые территории, чтобы восстановить здоровье нации после периода упадка. В то же время мы наблюдаем определенное укрепление крайне правых партий в Европе, что является обычным явлением во время кризиса, когда в той или иной степени возрождается ультра национализм.

Некоторые популистские партии сумели сгладить свои различия с основными правыми (и даже левыми) партиями и включили в повестку дня проблему иммиграции. Им удалось уговорить рабочий класс — традиционный электорат левых, что иностранные рабочие создают лишнюю конкуренцию на рынке труда. Сместив акценты с обычной неолиберальной повестки дня на политику социального государства, эти партии продемонстрировали, что их политический словарь может меняться. Инициативы подобного рода также показывают, что партии подобного толка не вписываются в традиционное идеологическое деление на левых и правых. Действуя таким образом, они следуют

тактике фашистских партий 1920–1930-х годов, представивших себя в качестве аутсайдеров, не имеющих отношения к общественному кризису, вызванному коррумпированными политическими элитами правых и левых.

Как я уже упоминал, при сравнении нынешних и бывших радикальных правых партий политические процессы не менее важны, чем идеология. Популистские партии редко способны формировать правительственную политику, не выполняя при этом функциональную роли. Опыт показывает, что практически все эти партии объединялись с правыми консерваторами. Поэтому их разговоры о том, что они не входят в традиционное деление партий на правых и левых, стали звучать менее убедительно. Получив поддержку избирателей и иногда принимая в этом прямое участие, они дали возможность правоцентристским партиям сформировать правительства большинства и меньшинства. Получив этот мандат доверия, они смогут более эффективно продвигать свою политику по ключевым вопросам, таким как иммиграция, традиционные ценности и отношения с Европейским Союзом. Надо отметить, что крайне правым партиям не удалось достичь решающего успеха и поколебать позиции основных партий в крупнейших государствах Западной Европы — Германии, Франции, Великобритании, Италии и Испании. Однако если им удастся воспользоваться кризисной ситуацией в Европе для продвижения своей ультра националистической популистской повестки дня, а традиционные политические элиты продолжают терять доверие избирателей, они, скорее всего, смогут расширить политическое пространство для своей деятельности. В этом случае им удастся показать, что они представляют тех, кто противостоит глобализации, росту количества мигрантов, радикальному исламу, и тех, кто не согласен с надгосударственным проектом единой Европы.